

Roman Jurkowski

"O sposobach mających wzmocnić świadomość narodową Białorusinów i przeciwdziałać ich polonizacji" : tajny memoriał mińskiego gubernatora Aleksieja Girsza o polityce rosyjskiej wobec Białorusinów i Polaków w przededniu I wojny światowej : część I

Przegląd Wschodnioeuropejski 4, 581-606

2013

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ROMAN JURKOWSKI

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

**„O sposobach mających wzmocnić świadomość narodową Białorusi-
nów i przeciwdziałać ich polonizacji”. Tajny memoriał mińskiego gu-
bernatora Aleksieja Girsy o polityce rosyjskiej wobec Białorusinów
i Polaków w przededniu I wojny światowej. Część I**

Napisany w styczniu 1914 roku ściśle tajny memoriał mińskiego gubernatora Aleksieja Fiodorowicza Girsy jest interesujący dla historyków z co najmniej kilku powodów¹. Po pierwsze, jest on nie tylko diagnozą stanu „sprawy rosyjskiej” na Białorusi w 1914 roku, lecz także projektem kolejnych przedsięwzięć państwa rosyjskiego mających na celu wzmocnienie rosyjskiego panowania na Ziemiach Zabrzanych dawnej Rzeczypospolitej. Pomysły wzmocnienia kultury rosyjskiej i religii prawosławnej nieodłącznie związane były z walką z kulturą polską, Polakami i religią katolicką, co też zajmuje najwięcej miejsca w prezentowanym memoriale. Po drugie, w wyrazisty sposób, choć nie bezpośrednio, memoriał pokazuje stosunek najwyższego przedstawiciela władzy rosyjskiej w guberni mińskiej do ludności białoruskiej, najliczniejszej przecież w Mińszczyźnie. Po trzecie, jest ciekawym studium stanu świadomości politycznej i zakresu oraz poziomu rozeznania gubernatora A. Girsy w zmieniających się przecież bardzo dynamicznie w 1914 r. wydarzeniach politycznych. Po czwarte, jest kolejnym potwierdzeniem tezy badawczej mówiącej o utrzymywaniu w polityce państwa rosyjskiego wobec zachodnich ziem Cesarstwa, pewnych stałych elementów mających na celu szybką absorpcję tych ziem do organizmu Imperium, elementów, które widoczne były już od I rozbioru Rzeczypospolitej²,

¹ Memoriał jest datowany na 25 stycznia 1914 r. Wszystkie daty we wprowadzeniu i samym memoriale podawane są w kalendarzu juliańskim.

² Pisali o tym m.in. L. Zasztowt, *Kresy 1832-1864. Szkolnictwo na ziemiach litewsko-ruskich dawnej Rzeczypospolitej*, Warszawa 1997; idem, *Europa Środkowo-Wschodnia a Rosja w XIX-XX wieku. W kręgu edukacji i polityki*, Warszawa 2007 (ibidem przegląd i omówienie najnowszej literatury na ten temat); T. Epszstein, *Edukacja dzieci i młodzieży w polskich rodzinach ziemiańskich na Wołyniu, Podolu i Ukrainie w drugiej połowie XIX wieku*, Warszawa 1998; R. Jurkowski, *Ziemiaństwo polskie Kresów Północno-Wschodnich 1864-1904. Działalność społeczno-gospodarcza*, Warszawa 2001; T. Weeks, *Nation and State in Late Imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier 1863-1914*, De Kalb, Illinois 1996; D. Beauvois, *Trójkąt ukraiński. Szlachta carat i lud na Wołyniu, Podolu i Kijowszczyźnie 1793-1914*, Lublin 2005;

a których występowanie ostatnio kwestionuje rosyjski badacz Aleksiej Miller³. Ich rozwój, nasilenie i zróżnicowanie form zależne było od wielu czynników, wśród których niebagatelną rolę odgrywali generał-gubernatorzy i gubernatorzy rządzący prowincjami i guberniami. Ich poglądy, zapatrywania, przynależność do określonych grup i koterii w środowisku wyższej administracji państwowej – bardzo często wpływały na indywidualne widzenie i ocenę stosunków narodowo-polityczno-społecznych w powierzonych im guberniach.

1. Autor memoriału

Stary szlachecki ród Girsów pochodził ze Szwecji. Od II połowy XVIII w. Girsowie odnotowywani są jako urzędnicy państwa rosyjskiego. Dziadek Aleksieja – Karol Karłowicz (Karol Ferdynand) żyjący w latach 1777–1835 był w latach 1809–1835 naczelnikiem poczty w Radziwiłłowie (powiat krzemieniecki w guberni wołyńskiej). Nie wiadomo dokładnie ile miał dzieci – znamy biografie jego dwóch synów: Nikołaja Karłowicza Girsy (9 V 1820 – 4 I 1895), senatora i ministra spraw zagranicznych Rosji w latach 1882–1892⁴, i Fiodora Karłowicza Girsy (4 I 1824 – 23 I 1891 r.), który był ojcem autora prezentowanego tutaj memoriału⁵.

Aleksiej Fiodorowicz Girs urodził się 17 marca 1871 r. Jako szlacheckie dziecko mógł kształcić się w elitarnych uczelniach państwowych – ojciec zapisał go do Korpusu Paziów. Naukę ukończył w 1887 r., aby w roku następnym

Л. Горизонтов, *Парадоксы имперской политики. Поляки в России – русские в Польше*, Москва 1999; А. Смолянчук, *Памиж краевасцю и нацыянальнай идеяй. Польски рух на беларуских и литовских землях 1864 – люты 1917*, Санкт-Петербург 2004.

³ W dwóch swoich książkach kwestionuje on ogólnie przyjęty pogląd (por. ibidem) o rusyfikacji ludności mieszkającej na terenach dzisiejszej Litwy, Łotwy, Estonii, Białorusi i Ukrainy, mówiąc o akulturacji i będącej jej konsekwencją asymilacji tej ludności do kultury rosyjskiej. А. Миллер, „Украинский вопрос” в политике властей и русском общественном мнении, С. Петербург 2000; idem, *Империя Романовых и национализм*, Москва 2006.

⁴ Jego pełny biogram: Д. Н. Шилов, *Государственные деятели Российской Империи 1802–1917. Библиографический справочник. Издание второе, исправленное и дополненное*, С. Петербург 2002, с. 179–181.

⁵ Fiodor Karłowicz Girs od 1844 roku pracował w Senacie. Następnie przeniesiono go do Ministerstwa Sprawiedliwości. Do 1863 roku pełnił funkcję prezesa izby sądu cywilnego w Symbirsku, a następnie głównego prokuratora w guberni pskowskiej i prezesa sądu karnego w Mińsku. Od 1863 roku był członkiem Rady przy ministrze spraw wewnętrznych. Od 1865 roku kierował Komisją tegoż ministerstwa do rozpatrzenia stanu i położenia Kirgizów i był jednym z autorów „Tymczasowych przepisów dotyczących zarządzania na obszarze turkiestańskiego generał-gubernatorstwa”. W 1880 roku otrzymał rangę rzeczywistego tajnego radcy. W 1891 roku został wyznaczony na prezydenta (przewodniczącego) ewangelicko-luterańskiego konsystorza. Jego żoną była Wiera Aleksandrowna Błok – 1831–1882. П. И. Бригадин, *Минские губернаторы: история власти*, Минск 2009, с. 300.

uzyskać przydział do Korpusu Paziów. Służba w Korpusie trwała krótko, od 1889 do 1890 r., kiedy to otrzymał tytuł kamer-pazia. Z korpusem Paziów rozstał się definitywnie 5 VIII 1891 r., gdy wstąpił na służbę do Preobrażeńskiego Pułku Lejb Gwardii, otrzymując stopień podporucznika⁶. Po czterech latach awansował na porucznika (6 XII 1895 r.), po kolejnych pięciu został sztabs-kapitanem (22 VII 1900 r.). Ten stopień wojskowy okazał się ostatnim w karierze wojskowej Aleksieja F. Girsy, gdyż na własne żądanie w dniu 23 II 1901 roku został przeniesiony do rezerwy piechoty gwardii w powiecie petersburskim (definitywnie z obowiązku wojskowego uwolniono go 19 II 1903 r.). Po przejściu do służby cywilnej został w dniu 6 III 1901 r. mianowany przez wileńskiego, kowieńskiego i grodzieńskiego generała-gubernatora powiatowym marszałkiem szlachty (предводителем дворянства)⁷ w powiecie poniewieskim w guberni kowieńskiej⁸ i jednocześnie przewodniczącym powiatowego zjazdu pośredników włościańskich w tym powiecie. Otrzymał też kolejną rangę dworską – kamerjunkra dworu cesarskiego (1 IV 1901 r.) i rangę urzędniczą – asesora kolegiálnego (15 VI 1902 r.). W dniu 3 IV 1903 roku został назначony honorowym sędzią pokoju w powiecie poniewieskim na trzyletnią kadencję. Było to jego ostatnie stanowisko urzędnicze w guberni kowieńskiej, gdyż 16 X 1904 r. został mianowany wicegubernatorem Odessy i sprawował tę funkcję do sierpnia 1906 r., wielokrotnie zastępując (jako pełniący obowiązki gubernatora) nieobecnego zwierzchnika⁹. Musiał dobrze wypełniać swoje obowiązki, skoro 19 IX 1905 r. otrzymał rangę nadwornego radcy, a 12 VIII 1906 r. mianowano go wicegubernatorem estlandzkim. Na tym stanowisku pozostał do 18 V 1909 r., gdy został mianowany pełniącym obowiązki gubernatora kijowskiego¹⁰. W Kijowie pozostał do 26 listopada 1912 r., gdy mianowano go gubernatorem mińskim. W 1909 r. z małżeństwa z Lubow Aleksandrowną Ponomariową urodziła mu się (20 V) córka Anna.

⁶ *Формулярный список об службе Минского Губернатора, в звании Камергера Двора Его Императорского Величества, Действительного Статского Советника Алексея Фиодоровича Гирса*, Нацыянальны Гістарычны Архіў Беларусі ў Менску [НГАБ] ф. 299, оп. 13, д. 421, л. 60.

⁷ Było to stanowisko urzędnicze z mianowania, wprowadzone na Ziemiach Zabrzanych jako jedna z wielu represji za powstanie styczniowe. Do 1863 roku marszałkowie szlachty byli wybierani przez zgromadzenia szlacheckie, dlatego bardzo często polscy ziemianie nie używali wobec nowych, mianowanych urzędników dawnej nazwy „marszałek”, ale rosyjskiej, urzędowej: предводитель (ibidem, л. 61).

⁸ Ibidem. Niektóre źródła, jak np. rosyjska wikipedia (<http://ru.wikipedia.org/wiki>) podają w biografii A. Girsy, że pełnił także funkcję powiatowego marszałka szlachty w guberni mińskiej. Takiej informacji nie znajdujemy w dokładnym opisie przebiegu służby państwowej zawartej w *Формулярным списке...*

⁹ *Формулярный список об службе...* л. 64–66.

¹⁰ Ibidem, ë. 67. W trakcie sprawowania tej funkcji był oddelegowany przez ministra spraw wewnętrznych (od 11 XII 1906 r. do 4 VI 1907 r.) do guberni ufimskiej jako specjalny wysłannik MSW w celu zapoznania się z sytuacją żywnościową i paszową oraz organizacji dostaw żywności i paszy dla głodującej ludności.

Nie ulega wątpliwości, że sprawowanie funkcji gubernatora cywilnego w guberni kijowskiej, w czasie gdy w tym mieście zamordowano premiera Piotra Stołypina (1 IX 1911 r.), zachwiało dobrze rozwijającą się karierą urzędniczą Aleksieja Girsa¹¹. Mimo że gubernatorowi nie udowodniono żadnych zaniedbań w związku z wizytą Mikołaja II w Kijowie, podczas której doszło do zabójstwa P. Stołypina, jego przeniesienie na inne stanowisko było tylko kwestią czasu, choć należy stwierdzić, że mianowanie go gubernatorem mińskim (po gubernatorstwie kijowskim) nie było aż tak wielką prestiżową degradacją. Pozostał nim do 30 IV 1915 r., kiedy to mianowano go ostatnim gubernatorem niżnonowogrodzkim. Zarówno w Mińsku, jak i Niżnym Nowogrodzie, w okresie wojny, Aleksiej Girs sprawdził się jako gubernator. Z ogromną energią organizował pomoc sanitarną dla rannych żołnierzy, w pałacu gubernatora w Mińsku urządził szpital, w Niżnym Nowogrodzie zmobilizował mieszkańców do pomocy dla ogromnej rzeszy uchodźców. Był też jednym z założycieli uniwersytetu w tym mieście. Pełnił również funkcję mediatora w konfliktach robotników z właścicielami fabryk, zyskując tym samym uznanie szerokich rzesz mieszkańców, co jednak nie przeszkodziło miejscowej Radzie Delegatów Robotniczych i Żołnierskich opanowanej przez bolszewików w aresztowaniu go (2 III 1917 r.) i odesłaniu do Moskwy, gdzie 7 III 1917 r. książę Jerzy Lwow, premier i minister spraw wewnętrznych Rządu Tymczasowego, rozkazał wypuścić go na wolność. Aleksiej Girs powrócił wówczas ponownie do Niżnego Nowogrodu. Potem walczył z bolszewikami, krótko przebywał w Estonii, a w 1924 r. osiedlił się we Francji, gdzie aktywnie uczestniczył w życiu politycznym i kulturalnym rosyjskiej emigracji monarchistycznej¹². Napisał wspomnienia, które sprzedał Archiwum Uniwersytetu Columbia w Stanach Zjednoczonych¹³. Zmarł 11 II 1958 r. w Paryżu i tam został pochowany.

¹¹ Ostatnią rangą dworską, którą otrzymał, był kamerger dworu nadany 6 XII 1908 r. na pół roku przed mianowaniem go na stanowisko gubernatora kijowskiego (ibidem, л. 68). Natomiast ostatnią w życiu rangę cywilną (IV) rzeczywistego radcy państwowego otrzymał już w czasie I wojny światowej u schyłku swych rządów w Mińsku.

¹² Był członkiem honorowym i przewodniczącym Zjednoczenia byłych oficerów Lejb Gwardii Pułku Preobrażeńskiego; przewodniczącym komisji rewizyjnej Związku Szlachty (lata 30.); członkiem Komitetu Towarzystwa Wzajemnego Kredytu (1927–1934); członkiem Związku Uczczenia Pamięci Cesarza Mikołaja II i Towarzystwa Ratowania Rosyjskich Dóbr Kultury. Był też członkiem rady parafialnej soboru Świętego Aleksandra Newskiego w Paryżu.

¹³ Fragment tych wspomnień zatytułowany: *Смерть Столыпина. Из воспоминаний бывшего Киевского губернатора* zamieszczono na stronach 86–102 książki Arkadiusza Stołypina: *P. A. Stołypin 1862–1911*, Paryż 1927. Ludwik Bazyłow, korzystając z tej książki w swojej znakomitej monografii *Ostatnie lata Rosji carskiej. Rządy Stołypina*, Warszawa 1972, konsekwentnie, ale niestety błędnie używa nazwiska „Giers” (s. 336, 349, 429, 433, 447).

2. Memorial z 25 stycznia 1914 r.

Przygotowanie ściśle tajnego memoriału skierowanego do ministra spraw wewnętrznych zatytułowanego „O sposobach mogących wzmocnić narodową świadomość Białorusinów i zapobiegać ich polonizacji” nie było kwestią przypadku. Była to odpowiedź gubernatora A. Girsy na przyjęcie przez Dumę Państwową w dniu 30 III 1913 r. rezolucji sformułowanej przez Komisję Interpelacyjną Dumy, która uznawała za niezgodne z prawem zarządzenia gubernatora mińskiego dotyczące zakazu używania języka polskiego (jako drugiego po rosyjskim) na szyldach i napisach oraz wprowadzenie wysokich kar pieniężnych za takie napisy¹⁴. Rzecz wyglądała następująco. W dniu 15 II 1913 roku Koło Polskie, polscy posłowie z guberni zachodnich, członkowie Frakcji Autonomistów i niemal wszyscy kadeci skierowali interpelację do ministra spraw wewnętrznych dotyczącą niezgodnych z prawem rozporządzeń gubernatora mińskiego ograniczających prawa Polaków do swobody korzystania z języka polskiego. W interpelacji zwracano uwagę, że gubernator A. Girs polecił, aby policja pod karą 300 rubli nakazała wszystkim, którzy to uczynili, usunąć napisy w języku polskim (umieszczone łącznie z rosyjskimi) z szyldów, z towarów w sklepach i z afiszów informujących o polskich przedstawieniach teatralnych i innych. Zdaniem zgłaszających interpelację takie rozporządzenia gubernatora stały w sprzeczności z przepisami z 27 III 1906 r., które pozwalały na ograniczenia tylko odnośnie do używania języka polskiego na publicznych zebraniach towarzystw i instytucji. Na posiedzeniu Dumy Państwowej 26 III 1913 r. w imieniu posłów zgłaszających interpelację wystąpił Feliks Raczkowski, polski poseł z guberni kowieńskiej, który nazwał działania gubernatora mińskiego „dążeniem do przymusowej rusyfikacji kraju”. Jego oponentem był duchowny prawosławny K. M. Sokołowicz, poseł z guberni mińskiej. Uznał on interpelację za sprzeczną z faktami, twierdząc jednocześnie, że „Polacy w Rosji mają wszelkie warunki dla realizacji swych ekonomicznych, religijnych, kulturalnych i narodowych potrzeb”¹⁵. W rezultacie głosowania – Duma Państwowa przyjęła stanowisko Komisji Interpelacyjnej, uznając, że gubernator powinien odwołać swoje zarządzenia.

Wojna uczyniła cały problem drugorzędnym, skupiając działalność gubernatora na całkiem innych polach, niemniej, jak to już zaznaczyłem wyżej, uchwała Dumy nie wpłynęła na poglądy A. Girsy, a prezentowany tutaj tajny memoriał jest cennym materiałem do poznania nie tylko poglądów samego gubernatora, ale także stanu i planów państwa rosyjskiego wobec guberni zachodnich u schyłku caratu. Dlatego nie można się zgodzić z opinią cytowanego tutaj historyka

¹⁴ П. И. Бригадин, *op. cit.*, s. 308.

¹⁵ *Ibidem*.

P. Brigadina, że „ten tajny memoriał był jaskrawym świadectwem i odzwierciedleniem tego kompleksu problemów, z którymi stykała się rosyjska ogólnomperialna ideologia i praktyka na Białorusi”¹⁶, gdyż sugeruje on, iż opisywane problemy istniały niezależnie od działalności państwa, które tylko się z nimi „stykało”, podczas gdy było całkowicie odwrotnie – bo zdecydowana większość tych „problemów” była właśnie wykreowana i rozwijana poprzez rusefikacyjną politykę państwa rosyjskiego. Cytowany autor przechodzi także do porządku dziennego nad stwierdzeniem A. Girsy, iż „językiem ojczystym” Białorusinów jest język rosyjski. A przecież właśnie w odniesieniu do wymienionych w tytule Białorusinów widać dokładnie cele i zamierzenia polityki rusefikacyjnej planowanej przez gubernatora mińskiego. Przede wszystkim we wprowadzeniu do zasadniczej treści memoriału nie ma ani słowa o ludności białoruskiej – autor operuje określeniami, takimi jak: „rosyjskie zasady”, „rosyjska polityka kresowa”, „element rosyjski w kraju”, „ochrona rosyjskiej kultury”. I dalej, A. Girs ma pełną wiedzę o tym, że świadomość narodową kształtują takie elementy, jak język nauczany w szkołach, kultura narodowa, wyznanie i język, w którym jest wykładana religia. Dlatego w pełni akceptuje istniejące przepisy mówiące, aby Litwinów uczyć religii po litewsku, Łotyszów po łotewsku, Polaków po polsku, ale Białorusinów chce nauczać religii po rosyjsku. W części 6 swego memoriału noszącej podtytuł: „Język nauczania religii katolickiej” krytykuje „tymczasowe zasady dotyczące nauczania religii” zawarte w rozporządzeniu Ministerstwa Oświecenia Publicznego z 22 II 1906 r. (punkt 2), w których stwierdzono, że „język ojczysty dzieci uczących się religii określony jest na podstawie pisemnego zgłoszenia ich rodziców lub opiekunów”. Jego zdaniem, dla ziem litewsko-białoruskich takie „tymczasowe zasady” były błędem w polityce państwa i zdecydowanie popiera nowe rozporządzenie Ministerstwa Oświecenia Publicznego z 27 X 1912 r., zmieniające wspomniany wyżej punkt 2 na nowy, w którym „w szkołach elementarnych podlegających ministerstwu język nauczania religii określany jest przez osoby kierujące szkołami, a w innych szkołach tego ministerstwa także przez osoby kierownicze, ale na podstawie rzeczywistych danych związanych z tą kwestią”. Stosowanie tego cyrkularza oznacza, zdaniem gubernatora, iż: „wykład religii powinien odbywać się w ojczystym języku uczących się – dla Białorusinów po rosyjsku, dla Litwinów po litewsku, dla Polaków po polsku”. Czyli tytułowe „wzmocnienie świadomości narodowej Białorusinów” miało, zdaniem gubernatora A. Girsy, odbywać się m.in. drogą nauczania dzieci białoruskich religii w ... języku rosyjskim.

Z memoriału nie wynika, czy A. Girs zdawał sobie sprawę, że Białorusini są odrębnym narodem, i to, co proponuje, jest zwyczajną rusefikacją. Ale ponieważ nie był prymitywnym urzędnikiem wykonującym tylko rozporządzenia

¹⁶ Ibidem, s. 309.

władz wyższych obojętnie jakie by nie były, a wysokiej rangi dygnitarzem, w pełni świadomym polityki państwa nie możemy wykluczyć, że zdawał sobie sprawę z różnic dzielących Rosjan i Białorusinów. Natomiast z punktu widzenia memoriału i celu, jaki miał on zrealizować – nie miało to dla niego żadnego znaczenia, gdyż w tym kontekście Białorusini byli tylko przedmiotem walki między państwem rosyjskim i prawosławiem a kulturą polską i katolicyzmem. I to w dodatku przedmiotem, z którego zdaniem całkowicie nie liczył się gubernator (a także państwo, które miało zrealizować koncepcje zawarte w memoriale). Z tekstu memoriału można także wyciągnąć wrażenie, że gubernator uważa, iż podobnie do Białorusinów odnosili się też księża katolicycy i polscy ziemianie¹⁷, choć na potwierdzenie tej polityki „polonizacyjnej” wybiera fatalny przykład, a mianowicie cyrkularz metropolity mohylewskiego, arcybiskupa Wincentego Kluczyńskiego, z 20 IX 1913 r. potwierdzający „w kategoriach tonie, że w odniesieniu do określenia języka ojczystego, w którym ma być wykładana religia katolicka, księża bezdyskusyjnie powinni kierować się decyzjami rodziców i opiekunów”. Z punktu widzenia wspomnianego już tytułowego „wzmocnienia świadomości narodowej Białorusinów” stwierdzenie gubernatora, iż „cyrkularz arcybiskupa Kluczyńskiego unicestwił niezwykle ważne dla sprawy rosyjskiej w kraju rozporządzenie Ministerstwa Oświecenia Publicznego z 27 X 1912 roku” – potwierdza fakt, że tytułowe sformułowanie dotyczące świadomości narodowej Białorusinów było tylko frazesem przykrywającym ściśle rusyfikacyjne pomysły.

Co więcej, w dalszym ciągu memoriału tytułowi Białorusini znikają całkowicie. Podobnie jak Żydzi nie zostają uwzględnieni w statystykach, dotyczących np. ludności Mińska przytaczanych przez gubernatora A. Girsę¹⁸. W takim ujęciu, zamiar pokazania walczących ze sobą tylko dwu sił – Rosjan i kultury rosyjsko-prawosławnej oraz Polaków i kultury polsko-katolickiej doprowadza nie tylko do konieczności fałszowania statystyki poprzez pomijanie innych narodowości (Żydów i Białorusinów), ale poprzez proste, łatwe do zauważenia sprzeczności – dezawuuje podstawowe tezy memoriału mówiące o istnieniu licznej i silnej „ludności rosyjskiej”, którą należy tylko wzmocnić. Oto przykład. Podrozdział zatytułowany „Kurie narodowościowe w wyborach miejskich” gubernator zaczyna od stwierdzenia: „W obecnym czasie nikt już nie wątpi, że przeważającą ludnością w miastach Kraju Zachodniego, z wyjątkiem Wilna, są Rosjanie” (i przytacza liczby dotyczące ludności Mińska, w których w ogóle nie ma nawet

¹⁷ Co oczywiście miało miejsce choćby dlatego, że wszyscy księża katolicycy władali językiem polskim i w tym języku uczyli religii, ziemianie prowadzący szkoły w majątkach także uczyli białoruskie dzieci języka polskiego, a wcale nierzadko białoruscy rodzice, szczególnie katolicy lub byli unicy, sami prosili, aby uczono ich dzieci „pańskiego języka”.

¹⁸ Dane statystyczne zawarte są w podrozdziale zatytułowanym: „Kurie narodowościowe w wyborach miejskich”.

wzmianki o ludności żydowskiej¹⁹). Natomiast dalej pokazuje, ponownie podając dane liczbowe, że w Radzie Miejskiej w Mińsku w latach 1909–1912 i wybranej na trzechlecie 1913–1916 zawsze było trzy razy więcej Polaków niż Rosjan, podobnie wśród innych urzędników miejskich. I z takiej statystyki wyciąga tylko jeden wniosek – aby zapewnić przewagę Rosjan w tych instytucjach, należy wprowadzić kurie narodowościowe, które w wyborach administracyjnie ograniczyłyby liczbę Polaków i zwiększyłyby liczbę Rosjan. Nie podaje, dlaczego ludność mająca „zdecydowaną przewagę liczebną” nie jest w stanie wybrać odpowiedniej liczby swoich radnych, a tę „swoją przewagę” może zademonstrować tylko wtedy, gdy państwo drogą rozporządzeń administracyjnych tę „przewagę” zapewni.

W tym miejscu można zadać pytanie – czy autor memoriału rzeczywiście wierzył w przewagę i siłę Rosjan oraz kultury rosyjskiej na Ziemiach Zabrzanych dawnej Rzeczypospolitej, skoro treść memoriału jednoznacznie pokazuje, że ta przewaga mogła być zapewniona i utrzymana tylko dzięki represywnemu ograniczaniu polskości i katolicyzmu oraz dzięki ogromnemu zaangażowaniu w ten proces wszystkich instytucji państwa i Cerkwi prawosławnej. Cały memoriał pokazuje, że nie wierzył w sukces Rosji i kultury rosyjskiej na tych ziemiach osiągnięty drogą naturalnego wypierania kultury polskiej i katolickiej poprzez wyższość i atrakcyjność rosyjskości i prawosławia. Już sam wstęp do memoriału jednoznacznie pokazuje gubernatora A. Girsę jako zwolennika poszerzania systemu ograniczeń wobec Polaków, katolickich Białorusinów i katolicyzmu i rozbudowaniu opieki państwa nad ludnością „rosyjską” (za Rosjan uważano również wszystkich prawosławnych Białorusinów). To właśnie Michał Murawjow jest dla gubernatora A. Girsę wzorem działacza rosyjskiego w guberniach zachodnich. Pisze on: „Sposoby stworzone przez hr. M. Murawjowa jako podstawa naszej polityki kresowej stworzyły warunki korzystne dla rozwoju zasad rosyjskich i rozwoju kultury rosyjskiej w kraju”. Według niego po 1863 r. „sprawa rosyjska” chociaż powoli, to jednak posuwała się do przodu, ale lata 1905–1906 proces ten zatrzymały. Jako wysoki urzędnik państwowy nie może, lub nie chce, napisać wprost²⁰, że zmiany z tych lat, czyli zniesienie ograniczeń nałożonych po upadku powstania styczniowego (m.in. ukazy o tolerancji religijnej i częściowe zniesienie zakazu obrotu ziemią między Polakami), były poważnymi

¹⁹ Mało wiemy o jego stosunku do Żydów, ale prawdopodobnie nie był on zdecydowanym antysemitą. Arkadiusz Stołypin podaje w swojej książce, że A. Girs jako gubernator kijowski w rozmowie z P. Stołypinem, w dniu zamachu w Kijowie (1 IX 1911 r.), podobnie jak premier, krytykował zarządzenie kuratora kijowskiego okręgu szkolnego zabraniające uczestniczenia dzieciom żydowskim w szpalerach tworzonych wzdłuż drogi, którą 30 VIII 1911 r. car kroczył z procesją do miejsca odsłonięcia pomnika Aleksandra II. Obaj uznali to za „bezsensowne i szkodliwe” (A. Stołypin, op. cit., s. 90).

²⁰ Bo przecież oznaczałoby to krytykę manifestów i ukazów podpisanych przez samego monarchę.

błędami w polityce państwa wobec guberni zachodnich i doprowadziły do częściowego zniweczenia „sukcesów” osiągniętych przez M. Murawiowa oraz niektórych jego następców. Dlatego pisze o „błędnych rachubach opartych na przekonaniu, że element rosyjski już dostatecznie umocnił się i utrwalił w kraju”. Aby choć częściowo naprawić „szkody” dla „sprawy rosyjskiej” spowodowane przez lata 1905–1906, proponuje w memoriale zastosowanie dwóch kategorii środków: ochronno-zabezpieczających i wspomagająco-inspirujących. Te pierwsze mają za zadanie „zatrzymać postępujący ruch katolicyzmu i polonizacji” poprzez powrót (choć bardziej zróżnicowany i finezyjny w metodach) do systemu kar i ograniczeń, drugie – wspomóc, utrzymać i stworzyć nowe formy oraz sposoby rozwoju wpływów rosyjskich na ziemiach białoruskich.

3. Uwagi o zasadach edycji dokumentu

Z racji obszerności tekstu memoriału podzielono go na dwie części odpowiadające dwóm wymienionym wyżej kategoriom środków proponowanych przez gubernatora A. Girsę. W części pierwszej zatytułowanej „Zarządzenia ochronne” (Мероприятія охранительныя) gubernator miński przedstawia swoje projekty dotyczące następujących kwestii: 1. Tajne szkoły polskie; 2. Ewolucja stanu posiadania ziemi; 3. Rzymsko-katolickie seminaria duchowne; 4. Biskupi katolicy; 5. Polonizacyjna działalność „trzeciego elementu”; 6. Język nauczania religii katolickiej; 7. Propagowanie wiary katolickiej; 8. Kurie narodowościowe w wyborach miejskich. Wymienione powyżej zagadnienia są tytułami poszczególnych części memoriału umieszczonymi na marginesie tekstu głównego. Co ciekawe, jeśli pierwsza część nosi tytuł podkreślony większą czcionką, to brak takiego tytułu na początku części drugiej. Nie wiadomo, czy wynikało to z prostego przeoczenia nagłówka w procesie drukowania, czy z tego, iż wszystkie proponowane sposoby „wzmocnienia kultury rosyjskiej”, także te w drugiej części, miały przede wszystkim charakter zwalczania i przeciwdziałania wpływom katolicyzmu i kultury polskiej, i dlatego autor memoriału nie uznał za konieczne specjalne ich oddzielenie?

Memoriał jest wydrukowany w języku rosyjskim i liczy 25 stron formatu A4. Dla potrzeb niniejszej publikacji korzystano z egzemplarza znajdującego się w Państwowym Archiwum Republiki Białoruś w Mińsku²¹. Jak wskazuje ręczna, atramentowa dedykacja na pierwszej stronie memoriału, egzemplarz ten autor ofiarował Aleksandrowi Dołgowo-Saburowowi, ówczesnemu mińskiemu

²¹ Нацыянальны Архіў Рэспублікі Беларусь ў Менску [НАРБ] ф. 60, оп. 3, д. 114. W tym miejscu dziękuję Panu dr. Anatolowi Wielikiemu i Panu Włodzimierzowi Denisowowi z Mińska za pomoc w opracowaniu tego memoriału i przygotowaniu wstępu do niego.

gubernialnemu marszałkowi szlachty. W oryginalnym tekście nie dokonywano żadnych zmian, za wyjątkiem uwspółcześnienia pisowni rosyjskiej²². Pozostawiono także zapis niektórych słów dużą literą, np. Губернатор, ВЫСОЧАЙШИЙ, itp. w celu zachowania konwencji pisowni stosowanej w dokumentach urzędowych u schyłku Rosji carskiej. W tekście zastosowano dwa rodzaje przypisów: tekstowe – oznaczone ^{a-a}, ^{b-b}, i przypisy dolne wyjaśniające zmiany w tekście dopisane ręcznie atramentem.

* * *

Совершенно секретно

^a-Александрю Сергеевичу Долгово-Сабурову^a

Докладная записка

о мерах, могущих укрепить национальное самосознание белоруссов и противодействовать их полонизации.

Минского губернатора Гирса

Мероприятия, положенные в основу нашей окраинной политики графом М. Н. Муравьевым создали условия, благоприятные для поступательного хода русских начал и развития русской культуры в крае за счет польской.

За все время, начиная с 1864 года, русское дело хотя и медленно, но шло вперед. Были, правда, периоды, когда это движение, под влиянием тех или других колебаний русской окраинной политики, приостанавливалось и часто на продолжительные периоды, но не было такого времени, когда бы замечалось обратное движение, когда бы польская культура одолевала русскую и вытесняла ее с занятых позиций.

Обратное движение началось только с 1905–1906 годов.

Отменяя ограничительные законы как в деле приобретения земельной собственности, так и в деле культурно-религиозной борьбы и проявлений общественной жизни, правительство рассчитывало, что русский элемент настолько укрепился и упрочился в крае, что сумеет собственными силами противостоять напору польского элемента и отстоять край от ополячения. Между тем, целый ряд фактов свидетельствует, что расчеты эти оказались ошибочными, что русский элемент в крае еще недостаточно укрепился, чтобы собственными силами, отстоять край для России и для русской

²² Pracę tę wykonała Pani dr hab. Helena Pocięchina prof. UWM z Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, za co składam jej serdeczne podziękowania.

культуры, что необходимо еще на некоторое время удержать часть прежних охранительных мероприятий и предпринять новые, отсутствие которых обнаружилось при открытом столкновении двух враждебных друг другу культур.

Мероприятия эти сводятся к двум категориям. К первой должны быть отнесены мероприятия характера охранительного, способные задержать наступательное движение католицизма и полонизации, ко второй – мероприятия характера созидательного, способные облегчить русскому элементу возможность усилиться настолько, чтобы в будущем он мог уже противостоять натиску полонизма собственными силами и средствами.

Мероприятия охранительные.

^б-Тайные польские школы^б

Самым тяжелым ударом для русского дела в крае была отмена закона от 3 апреля 1892 года, предусматривавшего наложение строгих взысканий за недозволенное обучение в девяти западных губерниях. В силу этого закона лица, уличенные в открытии тайных школ, подвергались в административном порядке штрафу до 300 рублей или аресту до 3-х месяцев.

Этот закон удерживал поляков от стремления навязать белорусскому населению польскую грамоту, а вместе с нею и польское национальное само сознание.

С отменой этого закона 24 августа 1906 года, в распоряжении местной власти осталось лишь право привлекать виновных к судебной ответственности, в порядке ст. 1049–1051 Улож. о наказаниях. Эти статьи карают за тайное обучение ничтожным штрафом до 5 руб. в селах, который в таком важном для поляков национально-политическом деле, конечно, никакого значения иметь не может и приостановить развитие сети тайных школ не в состоянии.

Польское духовенство, поддерживаемое богатым поместным польским классом, решило использовать удобный момент и энергично принялось за распространение польской грамоты при помощи польских тайных школ.

В польской школе, как это выяснено многочисленными расследованиями, началось не только преподавание польской грамоты, но и перевоспитание местного белорусского населения в польском духе. Цель польской тайной школы, как это ясно означено в программе, выработанной кружком польских патриотов в Вильне, – „воспитать в народе польскую душу и польское сердце”. Цель эта в тайных школах достигается двумя путями: выставлением бывшего польского государства в ореоле мученичества,

героизма и святости и выставлением русского правительства в роли свирепого и беспощадного варвара, загубившего польское государство и стремящегося загубить и польскую веру.

Когда выяснилась подобная роль тайной польской школы, местная администрация в порядке „Положения о чрезвычайной охране” должна была принять решительные меры к борьбе с этим злом. По снятии же исключительных положений местной власти, дабы не быть совершенно обезоруженной в деле борьбы с польским обучением, пришлось ввести предоставленный ей в законных пределах корректив и, обслуживая интересы русской государственности, принять, к предупреждению нарушений, посягающих на её целостность, меры в порядке особых полномочий. Предупреждающие меры административного права, с разрешения высшей правительственной власти, явились в Минской губернии в виде обязательных постановлений, изданных 20 января 1911 года Губернатором. В силу этих обязательных постановлений, как открыватели тайных школ, так и все содействующие открытию и осуществлению школы своими средствами, трудом и предоставлением помещения, подлежат в административном порядке: денежному взысканию до 500 руб. или аресту до трех месяцев.

Издание обязательных постановлений о взысканиях за тайное обучение вызвало запрос польского кола в Государственной Думе о незаконных действиях правительства. Но допустить отмену обязательных постановлений об административных взысканиях за тайное обучение можно только при условии восстановления закона от 3 апреля 1892 года или издания соответствующего нового закона, вполне ограждающего русские государственные интересы от той опасности, которая может им угрожать от распространения тайного польского обучения.

⁶Эволюция земельной собственности⁶

Другим преждевременным мероприятием правительства была отмена закона, воспрещавшего лицам польского происхождения приобретать земельную собственность в Западном крае.

Отменяя этот закон и допуская свободное движение земельной собственности от одного лица польского происхождения к другому, правительство не предвидело, что этим будет зафиксировано раз навсегда известное количество земли за поляками и, кроме того, будут созданы благоприятные условия для перехода в польские руки земельной собственности от русских владельцев.

На деле оказалось, что лица польского происхождения, в силу национальной сплоченности и ясного понимания значения земельной собственности для национально польской жизни в крае, сумели создать такие условия, в силу которых переход земель польских владельцев в русские руки совершенно прекратился. Далее изысканы способы такого обхода закона, при котором земли русских владельцев начинают исподволь переходить в польские руки.

Условия, благоприятные для подобного обхода закона, кроются в несовершенстве самого закона.

По ст. 1 ВЫСОЧАЙШЕГО Указа от 1 мая 1905 года „лицамъ польского происхождения разрешается в пределах девяти Западных губерний... приобретать всеми дозволенными законом способами в собственность и пожизненное владение и принимать в залог земельные имущества от лицъ польского же происхождения”. Вместе с тем отменено ВЫСОЧАЙШЕЕ утвержденное 27 января 1901 года Положение Комитета Министров об ограничении принадлежащего крестьянам католического исповедания права приобретения земельной собственности в тех же губерниях, каковые лица поэтому отныне, наравне с крестьянами православного исповедания, приобрели неограниченное право покупки земли.

На практике наблюдаются следующие явления: лицо польского происхождения желает приобрести имение, состоящее во владении лица русского происхождения, но непосредственно этого сделать не может. Тогда создается фиктивное товарищество крестьян-католиков, которое и приобретает земельную собственность. Затем, по укреплении этой собственности за покупателями, крестьяне-католики, считая себя принадлежащими к лицам польского происхождения, перепродают имение одному лицу, дворянину или мещанину, поляку.

Если бы параллельно с этим совершался таким же порядком переход владений польских землевладельцев в руки землевладельцев русских, тогда равновесие земельной собственности польской и русской могло бы удерживаться в прежнем состоянии.

Но против продажи поляками земли лицам русского происхождения стоит сплоченное польское общество. Лозунг „ни пяди земли в пользу посторонних” сделался национальной заповедью всего польского общества края и лица, нарушающие эту заповедь, исключаются из общества, как изменники национального дела.

Таким образом, русскому правительству приходится наталкиваться на закон, хотя и не санкционированный властью, но проводимый в жизнь с неукоснительною настойчивостью и последовательностью.

Возможность обхода закона от 1 мая 1905 года путем фиктивного признания лицами польского происхождения русских продавцов земли была своевременно учтена в Юго-Западном крае. Ещё 11 марта 1909 года Генерал-Губернатором Треповым изданы правила, в силу коих продавцы земли – дворяне и мещане, считающие себя лицами польского происхождения, в случае желанья продать земельную собственность лицам тех же происхождений и сословий, обязаны выбирать удостоверение Губернатора о их действительной принадлежности к польской национальности.

Эти правила, принятые всеми судебными местами края к руководству, дают возможность администрации не допускать перехода в руки поляков земель от лиц непольского происхождения. Лицами непольского происхождения считаются, в частности, крестьяне-католики, не принадлежащие к числу выходцев из Привислинского края, и бывшие иностранцы – поляки, состоящие в русском подданстве.

Такие же правила губернская администрация в 1913 г. предполагала провести и в Минской губернии.

В одном случае, когда Старшим Нотариусом утверждена была купчая крепость на продажу земельной собственности, поляку дворянину без предоставления удостоверения о принадлежности к лицам польского происхождения продавца, Губернатором сообщено было Председателю Окружного Суда для привлечения Старшего Нотариуса к ответственности и признания таким путём необходимости выборки указанных свидетельств. Однако, Окружной Суд не согласился стать на ту точку зрения, на которой стоять в течение 5 лет судебные места трех губерний Юго-Западного края и отказался признать действия Старшего Нотариуса неправильными, считая, что вопрос о том, нужно ли требовать удостоверения о польском происхождении продавцов при продаже земель поляками или нет, за отсутствием на этот счет точных указаний в самом законе, подлежит разрешению Правительствующего Сената по Гражданскому Кассационному Департаменту в исковом порядке (об уничтожении купчих крепостей) или в порядке ст. 2591 Учр. Суд. Уст. Определение Окружного Суда обжаловано Губернатором в Судебную Палату, решения которой по этому принципиальному вопросу пока еще не последовало.

В виду этого, в интересах предупреждения возможности обхода закона, представлялось бы необходимым преподать судебным властям Западных губерний и в частности Минской, разъяснение в инструкционном порядке в том смысле, что продавцы имений или земельных участков в Западном крае, дворяне и мещане польского происхождения, в случае продажи земли дворянам и мещанам польского же происхождения, должны испрашивать удостоверение о польском происхождении от подлежащих Губернаторов,

кои только одни и могут решать подобные дела не юридического, а политического характера, как это разъяснено в решении Правительствующего Сената от 21 июля 1910 года за № 8429 по делу Корвин-Саковича.

Засимъ, принимая во внимание, что крестьяне-католики, как лица, освобожденные по закону 1 мая 1905 года от всяких ограничений в деле покупки земли, не подходят под понятие „лица польского происхождения” по духу и смыслу ограничительного законодательства, ибо последствием признания крестьян-католиковъ лицами польского происхождения явилась бы возможность дворянам и мещанам полякам приобретать любое имение в Западных губерниях России, чрез посредство перекупки у крестьян-католиков польского происхождения, в явное нарушение закона 10 декабря 1865 г. и правил 27 декабря 1884 г., необходимо было бы в том же порядке разъяснить, как судебным, так и административным властям, что крестьяне-католики не могут продавать своих земельных участков мещанам и дворянам польского происхождения.

Наконец, так как среди крестьян-католиков есть много людей, ничего общего с крестьянским бытом, в сущности, не имеющих и так как ныне в силу закона 5 октября 1906 года крестьяне, приобретшие образованием или службою права высшего сословия, могут тем не менее оставаться в своих прежних обществах – представлялось бы своевременным установить в законодательном порядке начало, в силу коего правом приобретения в собственность имений и земельных участков в Западных губерниях могут пользоваться лишь те из крестьян-католиков, кои лично сами работают на земле и живут в условиях крестьянского быта, для чего восстановить в этом отношении прежнюю разрушительную систему, предоставив Губернаторам право удостоверяться в соответствии покупателей указанному положению и выдавать об этом для представления Нотариусам свидетельства.

⁶Р. Католические духовные семинария⁶

После восстания 1830 года сеть чисто польских учебных заведений, созданных бывшим Попечителем Виленского учебного Округа Адамом Чарторыйским и бывшим Виленским университетом, была разрушена, на место этих заведений открыты были учебные заведения русские с русским педагогическим персоналом и с преподаванием на русском языке. Нетронутыми остались только римско-католические семинарии, которые и до сего времени остались учебными заведениями чисто польскими с преподаванием на польском языке и с польским составом преподавателей.

Такое отношение к римско-католическим семинариям Западного края обуславливалось тем обстоятельством, что не только до времени графа М. Н. Муравьева, но и продолжительное время после него у русского правительства и у русского общества не было ясного представления об этнографическом составе края, что католики-белорусы и литовцы отождествлялись с поляками, что на польское богослужение в белорусских и литовских костелах смотрели как на явление нормальное, естественное.

С течением времени этнографический состав населения был выяснен окончательно и теперь всем известно, что поляки в Западном крае составляют не больше 4% населения. Между тем, римско-католическое духовенство до сего времени воспитывается в чисто польском духе, как если бы ему приходилось обслуживать интересы только польского населения.

Ведущаяся в последнее время жестокая борьба между поляками и литовцами из-за языка в дополнительном католическом богослужении показывает, к каким тяжелым последствиям ведет такое ненормальное положение в католических духовных семинариях.

Хотя белорусы католики до сих пор не обнаружили ещё стремления к располячению своих костелов, нет сомнения, что рано или поздно время это придет. Если движение к располячению костелов в Белоруссии до сих пор ещё не проявилось, то исключительно потому, что все белорусские приходы обслуживаются ксендзами либо польского происхождения, либо ополяченными в римско-католических семинариях белоруссами.

Введение принципа преподавания Закона Божия лицам неполяского происхождения на русском языке во всех высших и низших школах и в то же время сохранение в римско-католических семинариях края польского языка, как языка преподавания всех предметов, так и польского педагогического персонала, является противоречием, идущим явно в разрез с существующим законом, не допускающим преподавания не только общих предметов, но даже и Закона Божия на народном языке учащихся. Римско-католические семинарии не должны стоять в стороне от действия этого закона, и в них преподавание всех предметов должно производиться на русском языке. Исключение должно быть допущено только для Закона Божия и богословских наук, которые должны преподаваться на родном языке учащихся. При этом, в римско-католические семинарии Западного края поляки должны допускаться не более, как в числе 4% всех учащихся, т. е. пропорционально числу проживающих в крае поляков. Что касается педагогического персонала, то поляки, как представители нации явно враждебной русской государственности, не должны вовсе допускаться к преподаванию в римско-католических семинариях Западного края.

Подобная реформа римско-католических семинарий в крае будет вполне отвечать и существующему закону, и интересам католических масс края, и интересам русской государственности, которая не выступает против католицизма как такового, но не может допустить, чтобы католицизм являлся орудием колонизации народных масс русского и литовского происхождения и создавал почву для борьбы, волнений и беспорядков, с которыми уже и теперь приходится считаться и администрации и судебной власти, и которые в будущем могут и неизбежно будут серьёзно угрожать общественному спокойствию и безопасности государства.

С течением времени, когда из реформированных римско-католических семинарий будут выпущены новые кадры ксендзов, воспитанных не на польских началах и не проникнутых тою ненавистью к России и ко всему русскому, какая замечается в этом классе в настоящее время, необходимо будет установить, чтобы в приходы с белорусским и литовским населением ксендзы польского происхождения и ополяченные белорусы и литовцы не назначались, а назначались бы ксендзы той национальности, к какой принадлежат и прихожане. Таким только порядком будет подготовлена почва для постепенного располячения белорусского и литовского костелов и для введения в их дополнительное богослужение литовского и русского языков.

Подобное располячение может быть сделано только при помощи самого римско-католического духовенства. Всякие другие меры, предпринимаемые помимо воли и желания этого духовенства, могут повести только к нежелательным осложнениям и будут обречены на полный неуспех, так как католические ксендзы всегда могут истолковать выступления русского правительства против польского языка в белорусских и литовских костелах как выступления против римско-католической веры, и таким образом чисто национальную борьбу переведут на почву борьбы религиозной и преследования за веру.

⁶ Р. Католические епископы⁶.

Не менее ненормален установившийся порядок, в силу которого кафедры римско-католических епископов и архиепископов в пределах Западного края и в центре России замещаются лицами польского происхождения или лицами явно ополяченными. Если католическое население края на 96% состоит из белорусов, литовцев и латышей, то эти народности имеют право на то, чтобы их духовною жизнью руководили лица, принадлежащие к этим национальностям.

Захват поляками римско-католических духовных учебных заведений на всем пространстве России создал такое положение, что из этих заведений выходили только поляки, если не по крови, то по убеждениям. Естественно, что и римско-католическая епархия не только в Западном крае, но и во всей России оказалась в руках ничтожного польского меньшинства. Если до настоящего времени с этим явлением нельзя было бороться за недостатком лиц белорусского, литовского и латышского происхождения, достаточно подготовленных для занятия епископских кафедр в Западном крае, то в настоящее время такие лица уже имеются в рядах литовского и латышского духовенства, открыто проявляющего свои антипатии к ополячению этих племен.

⁶Полонизаторская деятельность третьего элемента⁶.

В деле полонизаторской работы сходятся все поляки края, независимо от сословия и состояния. Национальная солидарность в данном случае доведена до высокой степени напряжения. Поэтому весьма много вреда русскому делу приносят те поляки, которые по своему служебному положению или по роду своих занятий поставлены в непосредственное соприкосновение с народными массами, как земские начальники, городские судьи, судебные следователи, волостные писаря и их помощники, землемеры, агрономы, земские служащие и т. п. Вред деятельности этих элементов особенно сильно сказывается в тех случаях, когда они являются представителями русской власти и могут в своей полонизаторской деятельности опираться на авторитете этой власти, если не прямыми, то косвенными путями.

Во избежание этого вреда необходимо не допускать поляков и католиков на те должности, замещение которых зависит от правительства. Что же касается земских служащих, то количество католиков, допускаемых на эти должности, должно быть всемерно ограничено.

⁶Преподавание Закона Божия католикам⁶.

В вопрос о преподавании Закона Божия лицам непольского происхождения, но католического исповедания, польские ксендзы Западного края повсюду стали в оппозицию и закону, и правительственным начинаниям, стремящимся обеспечить каждой народности возможность слушать уроки Закона Божия на родном языке.

Во исполнение пункта 14 ВЫСОЧАЙШЕГО Указа Правительствующему Сенату от 17 апреля 1905 года о преподавании Закона Божия инославных исповеданий на природном языке учащихся, Министерством

Народного Просвещения ещё 22 февраля 1906 года были изданы особые „временные правила”, пункт 2 коих устанавливал, что родной язык учащихся определяется „письменным заявлением родителей или опекунов учащихся”.

Под воздействием ксендзов и польских помещиков, хорошо понимающих, что язык есть главное выражение народности и главный проводник ее и что особенную важность имеет для народа язык богослужебный, результатом этих правил явился тот факт, что в местностях со сплошным белорусским населением, родителями учащихся подавались письменные заявления, заведомо не соответствующие действительности, о польском, будто бы природном языке учащихся.

Вследствие этого Министр Народного Просвещения циркуляром от 27 октября 1912 года признал необходимым, впредь до общего пересмотра временных правил 22 февраля 1906 г., отменить п. 2 этих правил, с заменой его, в виде опыта, следующим текстом: „в низших учебных заведениях природный язык учащихся определяется лицами, заведывающими сими училищами, а в остальных учебных заведениях начальниками сих заведений, на основании всех фактических данных, имеющихся по сему предмету”.

Тем же циркуляром Попечителям Учебных Округов вменялось принять все находящиеся в их распоряжении законные средства для неукоснительного исполнения изложенного правила и практического осуществления преподавания инославного Закона Божия на природном языке учащихся: белорусам на русском языке, литовцам на литовском, полякам на польском и т. д.

Справедливое распоряжение Министерства Народного Просвещения было встречено негодованием местного польского общества, а в Государственную Думу польским колом был внесен запрос о незакономерном, будто бы, действии Министерства, умаляющего значение ВЫСОЧАЙШЕ дарованных населению прав Указом 17 апреля 1905 года.

На требование начальствующих учебных заведений, обращенное к ксендзам, о преподавании Закона Божия белорусам на русском языке, ксендзы, после некоторого колебания, почти повсеместно отказались от его исполнения, продолжая уроки на польском языке или демонстративно вовсе прекратив обучение Закона Божия белорусам-католикам.

Наконец 20 сентября 1913 года Могилевский римско-католический архиепископ Ключинский разослал подведомственному ему Минскому духовенству свой циркуляр. Как бы в отмену распоряжения Министерства Народного Просвещения, циркуляр архиепископа Ключинского категорически подтверждает, что „в отношении определения природного языка

учащихся, ксендзы обязаны безусловно руководствоваться заявлениями их родителей или опекунов”.

Таким образом архиепископ Ключинский уничтожил крайне важное для русского дела в крае распоряжение Министерства Народного Просвещения от 27 октября 1912 года.

Так доказало римско-католическое духовенство, что интересы польской политики ему ближе интересов религии, и уничтожены попытки правительства в деле располочения белорусской школы, населению же края дан пример влияния на его судьбы римско-католической церкви, которое оказалось сильнее влияния правительства.

Борьба с этим явлением, весьма крупным и серьезным по своим, часто непоправимым последствиям, должна составлять предмет особой настойчивости и упорства правительства.

⁶Пропаганда католической веры⁶.

ВЫСОЧАЙШИМ Указомь от 17 апреля 1905 года русским подданным дарована свобода вероисповедания, причем в силу того же Указа отпавшее по достижении совершеннолетия от православия лицо признается принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало.

В **ВЫСОЧАЙШЕМ** Указе 17 апреля не содержится указаний относительно порядка, в котором должно происходить перечисление в иную веру лиц отпавших от православия. Этим пробелом воспользовалось в губерниях с неокрепшим ещё в православии населением, католическое духовенство, которое установило само порядок принятия в католицизм православных.

Во многих селах и деревнях с смешанным православным и католическим населением ксендзами произведена была подворная перепись жителей православных и католиков, и все эти лица, независимо их возраста и состояния, объявлены были прихожанами костелов. Подобный способ перечисления в католичество православных практиковался ксендзами в течение почти 4-х лет – с 1905 по 1909 г. Правительство, озабочиваясь правильным и беспрепятственным проведением в жизнь Указа 17 апреля, еще в августе 1905 года выработало правила для перехода из православия в иноверные и инославные исповедания и разослало таковые всем Губернаторам и р.-католическим епархиальным Начальникам, указав при этом на то, что последовавшие по сему вопросу распоряжения католического духовенства, как составляющие предмет ведения государственной власти, не могут со стороны административной власти быть допущены к исполнению. Но ни это, ни рядь других указаний Мини-

стерства не повлияли в решительном смысле на католическое духовенство, руководившееся исключительно своими распоряжениями и преподававшее в таком же смысле разъяснения отпадающим от православия лицам. Только после категорического и определенного указания со стороны Министерства о грозящей католическому духовенству строгой ответственности за неисполнение правил 1905 года, с 1909 г. ксендзы начинают быть более сдержанными и осторожными, хотя случаи всевозможных преступлений на почве перевода в католицизм православных отнюдь не составляли исключения.

Правительственной власти пришлось поэтому прибегнуть для защиты закона к репрессивным мерам. Стали возникать о ксендзах судебные дела, но они чрезвычайно долго тянулись – по 2 – 3 года, и хотя суд в некоторых случаях выносил обвинительные приговоры, но наказание за давностью теряло всякое значение. Тогда в 1911 году Министерство Юстиции циркуляром на имя Председателей Судебных Палат и Окружных Судов потребовало внеочередного рассмотрения сих дел. Циркуляр этот оказал весьма благотворное влияние и в 1911–1912 г. г. вредная деятельность ксендзов несколько ослабела. Наступил 1913 г. и Всемиловейший Манифест 21 февраля, которым почти по всем делам о нарушениях ограждающих веру постановлений дарована была амнистия. Освободившись от тяготевших за продолжительное время многочисленных обвинений, католическое духовенство снова начало вести в приходах католическую пропаганду, при чем под влиянием уговоров ксендзов усилилось поступление заявлений православных о переходе в католичество. В виде опыта гражданской властью предпринято было самое всестороннее негласное обследование каждого из лиц, подавших указанное заявление. Обследования дали поразительные результаты. Оказалось, что 90% заявлений поданы по уговору ксендзов, которые сами или чрез своих органистов их составили и переписали, что для уловления в католицизм ксендзы прибегают к самым грубым некультурным приемам: уговаривают молодых людей-католиков не вступать в брак с православными, не допускают к исповеди лиц римско-католического исповедания, состоящих в смешанных браках, требуя перехода православного супруга в католицизм, совершают крещение и бракосочетание членов семейств православных, учиняя при этом в книгах для сокрытия своих преступных деяний различного рода подлоги и т. п. Представителям власти ничего больше не оставалось, как обратиться к содействию суда, дабы заставить католическое духовенство уважать существующие узаконения. Но и это единственное в руках гражданских властей средство оказалось непригодным для борьбы с католическим духовенством.

Из 80-90²³ возбужденных в 1913 году судебных дел свыше²⁴ 50%²⁵ было прекращено «за отсутствием состава преступления», а 30-40%²⁶ близко к такому же окончанию и лишь не более 10%²⁷ будет поставлено на суд с обвинением ксендзов.

Так: 1. 24 апреля 1913 года прекращено за силою ВЫСОЧАЙШЕГО Указа 21 февраля дело по обвинению крестьян Бужинских по 89 ст. Угол. Улож. Дело это возобновлено лишь вследствие протеста Губернатора о неправильности применения Указа.

2. 23 июля 1913 года прекращено по 277 ст. Уст. Угол. Суд. дело о незаконном присоединении к католичеству малолетнего сына крестьянина, родившегося в православии. Определение Суда Губернатором 17 ноября 1913 года опротестовано, но дополнительного решения еще не последовало.

3. 19 ноября 1913 года прекращено по 277 ст. Уст. Угол. Суд. дело о незаконном присоединении к католичеству, допущении к исповеди и причащении и повенчании заведомо православного, не достигшего совершеннолетия и составление об этом подложных актов. На определение это Губернатором приносится протест в Судебную Палату.

4. 19 июня 1913 года прекращено по 277 ст. Уст. Угол. Суд. дело о незаконном крещении и повенчании в костеле членов православного семейства кр. Вороны и составлении подложного акта о бракосочетании. Суд вошел в рассмотрение лишь вопроса о повенчании, совершенном до 21-го февраля 1913 года и, применив ВЫСОЧАЙШИЙ Указ, – прекратил следствие. Определение Суда Губернатором опротестовано; исход еще не известен.

5. 14 декабря 1913 года прекращено по 277 ст. Уст. Угол. Суд. дело о незаконном повенчании православной крестьянки Мархель и составлении подложных актов об этом. Определение суда опротестовано Губернатором; исход еще не известен.

Но судебными властями возбуждено дело о допущении к исповеди в костеле достигшей совершеннолетия православной. Губернатор известил Прокурора о ненаказуемости этого деяния; исход еще не известен.

Таким образом, в некоторых случаях лишь вмешательство гражданских властей спасало дела от прекращения совершенно неправильного и нежелательного.

Между тем, отсутствие твердо установившегося и однообразного взгляда со стороны судебных властей на преступления ксендзов создает крайне

²³ Cyfry te zostały przekreślone atramentem a nad nimi napisano: 103.

²⁴ Słowo to skreślono atramentem.

²⁵ Cyfra ta została przekreślona atramentem, a nad nią dopisano atramentem: 40.

²⁶ Cyfra 40 została skreślona atramentem.

²⁷ Cyfra 10 została skreślona atramentem i poprawiona na 30.

тягостные последствия: в католическом обществе раздаются жалобы на возбуждение, якобы неосновательно, дел против ксендзов, появляются соответствующие статьи в польской прессе, проникающей в самые глухие концы края и вызывающей брожение в населении.

Принимая во внимание, что окатоличение белорусского населения для польских сепаратистов служить самым верным средством его полонизации и что таким образом движение это может угрожать серьезнейшими последствиями, представлялось бы необходимым:

1) установить строгую административную ответственность для тех ксендзов, деятельность которых на почве систематического нарушения вероисповедных законов принимает явно угрожающий характер;

и 2) восстановить в судах быстрое, правильное и однообразное направление дел о преступлениях и проступках лиц римско-католического духовенства.

^бНациональные курии при городских выборах^б.

В настоящее время уже никто не сомневается в том, что преобладающее население в городах Западного края, за исключением Вильны, русское. Между тем большинство городских управлений в крае находится исключительно в польских руках.

Насколько это засилье отражается на личном составе гласных и городских служащих видно из следующих цифр по городу Минску: из пятидесяти гласных в трехлетие 1909-1912 гг. было русских – 11, поляков – 32; из сорока четырех гласных в трехлетие 1913-1916 гг. русских 7, поляков 31, причем, городской голова и все члены управы состоят исключительно из поляков.

Поэтому неудивительно, что все вольнонаемные должности занимаются только поляками, кроме низших служащих – фонарщиков, кондукторов и проч. Цифровые сведения о вольнонаемных служащих в Минском городском управлении по десятилетиям представляются в таком виде:

В 1880 году всего 22, из них русских 7, поляков 9; в 1890 году всего – 45, русских 11, поляков – 32; в 1900 году всего 43, русских – 13, поляков – 28; в 1910 году всего – 106, русских 26, поляков – 71.

Ненормальность подобного явления бесспорна, если принять во внимание численность населения г. Минска. По сведениям Минского Статистического Комитета, к 1 января 1913 года русских числится 37920 человек, а поляков 20049, значит, русских в Минске почти вдвое больше, чем поляков.

Этот вопрос делается еще более острым, если принять во внимание население Минской губернии, в которой на 2 300 000 белорусов приходится 93000 поляков.

В тесной зависимости от городских общественных управлений находится русская школа. Городские общественные управления, где они находятся в руках поляков, противодействуют развитию русского просвещения, в особенности начального, и местной школьной администрации приходится напрягать усилия, чтобы добиться отпуска средств для помещений разрешенных правительством школ или на введение в них улучшений, зависящих от городской думы.

Основанием для подобной тактики служит то соображение, что если в крае, который польские шовинисты считают польским краем, нельзя свободно развивать польское просвещение и польскую культуру, то необходимо по мере возможности сдерживать русское просвещение и русскую культуру.

Чем выше в культурном отношении состав общественного установления, тем с большим умением оно ведет свою антирусскую политику, тем лучше уметь облечь ее в такие формы, при которых местной административной власти иногда не только трудно, но и невозможно воспрепятствовать явлению заведомо антигосударственному или обидному для большинства русского населения.

Не менее отрицательное влияние имеют польские городские общественные управления на развитие городского общественного кредита.

Весьма яркую иллюстрацию этого влияния дает пример Минского городского общества взаимного кредита.

Когда в 1895 году было учреждено это общество, Минская Городская Дума открыла ему кредит для начала его операций из городской кассы, в размере 50000 руб., оговорив за собою право контроля над деятельностью общества и участия в его Правлении.

При открытии общества в нем принимали участие русские наравне с поляками и имелись все данные для убеждений, что в Минске учреждается кредитная организация, не имеющая признаков национального характера. Между тем, благодаря некоторой зависимости общества взаимного кредита от польского городского управления, в обществе образовалось сплоченное польское большинство и русские постепенно вытеснены не только из состава правления, но и из состава служащих в обществе, и в настоящее время, будучи по уставу городским, т. е. ненациональным, оно оказалось всецело в польских руках.

Захват экономических позиций возведен поляками в систему и проводится с железною настойчивостью. Захватив то или другое общество взаимного кредита, поляки постепенно сокращают кредит русским людям

и расширяют его представителям польской нации, допуская в последнем случае такие льготы и послабления, какие не даются русским заемщикам.

Зависимость многих русских людей от польских кредитных обществ, помимо невыгодных для русского населения экономических последствий, имеет ещё вредное моральное влияние. Во время городских выборов русские люди с заведомо твердыми национальными убеждениями, но поставленные в необходимость кредитоваться в польских кредитных обществах, либо совершенно уклоняются от участия в выборах, либо держат себя осторожно, не вступая в борьбу с поляками.

Тоже явление наблюдалось и при выборах в Государственную Думу, пока не были введены национальные курии.

В области городских предприятий, имеющих широкое государственное значение, польские городские управления ведут чисто польскую политику.

Быстро и широко развивающееся городское хозяйство превращается в серьезного потребителя как технических знаний и рабочих рук, так и продуктов и изделий фабрично-заводской промышленности. При развитии же муниципализации многих таких отраслей городского хозяйства, которые раньше не входили в компетенцию городских управлений, эта потребительная способность городского хозяйства начинает с каждым годом все более и более возрастать.

Городские общественные управления, не зараженные национальным шовинизмом и не преследующие интересов инородческой политики, пользуются как технически подготовленными людьми и рабочими силами, так и изделиями и продуктами фабричной – заводской промышленности соответственно местным условиям и обстоятельствам, а главным образом, соответственно близости тех или других рынков. Совершенно иное наблюдается в городах Белоруссии.

Там не только городские управления Гродно, Белостока, Бельска, Вильно стараются вести сношения только с Варшавою, пользоваться услугами только варшавского рынка, варшавских фирм и варшавских техников и рабочих, но даже такие города, как Брест и Минск, связанные прямым сообщением с Москвою, все-таки стремятся вести дела только с Варшавою. Устройство освещения, канализации, трамваев, водоснабжения, городских боен, возведение городских построек, – все это производится польскими инженерами, польскими техниками, польскими рабочими, все это снабжается польскими промышленными фирмами. Русский инженер, русский техник, русский рабочий во всех этих городских предприятиях редкое исключение. Ещё более редкое исключение – потребление продуктов и изделий русской фабрично-заводской промышленности. Благодаря подобному направлению экономическо-хозяйственной деятельности городских общественных управлений между центром России, русскою

культурною и русскою промышленностью, с одной стороны, и Белоруссиею, с другой, проводится демаркационная линия и с каждым годом Белоруссия все более и более отделяется от центральных губерний России, все более и более связывается с Царством Польским.

По всем этим соображениям городские управления Западного края должны быть изъяты из польских рук, и в городское положение для городов этого края должна быть введена куриальная система выборов гласных по национальностям, русское же большинство гласных в этих городах должно быть зафиксировано законом.

UWAGI:

^{a-a} Dopisek ręczny atramentowy.

^{b-b} Tytuły kolejnych części memoriału, umieszczone na marginesie, z lewej strony tekstu głównego.